

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ПРАВЪ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

НОЯБРЬ, 1879.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1879.

Стр.

I.—ВАШИНГТОНЪ. — Очерки столицы и правительства Соединенныхъ-Штатовъ Америки.—Изъ наблюденій русскаго путешественника въ 1878 г.—VI—XI.— Всев. Мировольскаго.	5
II.—ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.—Историческій очеркъ проектовъ до окончательнаго утвержденія. —скій.	58
III.—ДОМАШНИЙ ОЧАГЪ.—Повѣсть.—XIX—XXIII.—Д. Н. Стахѣва.	93
IV.—ЗЕМЕЛЬНЫЕ БАНКИ И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.—Н. Г. Приица.	141
V.—ВАРЕНЬКА УЛЬМИНА.—Повѣсть.—Прологъ и часть первая.—Л. Я. С. . . .	165
VI.—МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.—Л. А.	247
VII.—БѢЛЫЯ НОЧИ.—Стих. Н. Минскаго.	272
VIII.—ХРОПИКА.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новыя книги русскои и ино- странныхъ литературы.	282
IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 г.—Университеты и гимназіи.— <i>Desiderata</i> современнаго гимназическаго устройства.—Прочія училища.—Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, и бро- шюра г. фонъ-деръ-Ховена.—Новый мостъ черезъ Неву.— Событіе въ ревель- ской думѣ.	316
X.—РАЗЪЯСНЕНІЕ.—По требованію министерства народнаго просвѣщенія. . . .	341
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Возстаніе въ Кабулѣ, и аграрное волненіе въ Ирландіи.—Р.	355
XII.—ПАРИЖСКИЙ ПИСЬМА.—За кулисами.—Глава изъ новаго романа „Нана“. —Эм. Зола	371
XIII.—ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО.—Письмо изъ Кракова.—К. Д.	401
XIV.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.— Наши недоразумѣнія съ Германіею и лордъ Сольсбери.	428
XV.—НЕКРОЛОГЪ.—Сергей Михайловичъ Соловьевъ.—С.	437
XVI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Записки Охотника, Ив. Тургенева. 1-ое стереотипное изданіе.—Живописная Россія, т. I, вып. 3 и 4.—Родная Старина, В. Д. Сиповскаго.—Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа.—Руководство къ Токсикологіи, п. р. Е. Пеликана.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1880 г. см. ниже, на обраткѣ.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

RECEIVED

EBPO II PI

RECEIVED 1917 - 1000 24

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1879

ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

I.

Въ виду окончательнаго утвержденія перваго сибирскаго университета въ Томскѣ, состоявшагося 1-го мая 1878 г., и нетерпѣливыхъ ожиданій его открытія, мы желали бы представить краткій очеркъ исторіи возникновенія и развитія идеи о сибирскомъ университетѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Мысль объ основаніи сибирскаго университета явилась весьма давно. Еще въ высочайше-утвержденныхъ императоромъ Александромъ I предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, опубликованныхъ при указѣ правительствующаго сената 24-го января 1803 года, постановлялось, между прочимъ (пун. 14), что въ учебныхъ округахъ учреждаются университеты «для преподаванія наукъ въ высшей степени», коихъ въ то время назначалось 6, а именно, кромѣ существовавшихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ,—въ округѣ с.-петербургскомъ, въ Казани и Харьковѣ, и затѣмъ предназначаются для университетовъ города: *Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе*, «по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Вслѣдствіе такого заявленія правительства о намѣреніи учредить, когда окажется возможнымъ, университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ, извѣстный П. Г. Демидовъ, дѣлая свои знаменитыя пожертвованія на пользу отечественнаго просвѣщенія, между прочимъ, пожертвовалъ въ томъ же году 100,000 рублей для предназначенныхъ къ открытію кіевскаго и тобольскаго университетовъ. Въ письмѣ министра на-

роднаго просвѣщенія графа Завадовскаго къ Демидову, отъ 6-го іюня 1803 года, относительно этого капитала говорилось: «что касается до суммъ, которыя вы располагаете за благодѣяніе моимъ училищамъ, то къ тому ближайшее средство положить оныя въ воспитательный домъ вѣчнымъ капиталомъ, назнача доходъ отъ процентовъ, по мѣрѣ капитала, каждому мѣсту опредѣленнаго; а доколѣ приспѣетъ время къ открытію университетовъ въ Кіевѣ и Tobольскѣ, то капиталы, симъ училищамъ отъ васъ опредѣленные, росли бы обращеніемъ своимъ, безъ прикосновенія къ онымъ».

Итакъ, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ правительственныхъ сферахъ и въ кругу образованныхъ людей ясно сознавалась мысль о необходимости учрежденія въ Сибири университета. Не приводилась она въ исполненіе цѣлыхъ 75 лѣтъ, по многимъ причинамъ: отчасти въ виду болѣе близкихъ заботъ о просвѣщеніи въ Европейской Россіи и о созданіи здѣсь университетовъ, отчасти потому, что самое осуществленіе сибирскаго университета казалось многимъ преждевременнымъ, по имѣвшемуся незначительному числу среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ и по незначительности населенія въ Сибири вообще, а также вслѣдствіе возникавшихъ опасеній, что въ университетѣ будетъ слишкомъ малое число слушателей, что трудно будетъ привлечь достаточное число хорошо подготовленныхъ преподавателей, и, наконецъ, что такимъ образомъ значительные расходы, потребныя отъ казны на содержаніе университета и на возведеніе нужныхъ ему зданій, не вознаградятся въ достаточной мѣрѣ и не дадутъ желаемыхъ результатовъ.

Дѣйствительно, просвѣщеніе въ Сибири развивалось весьма медленно. Изъ исторіи учебнаго дѣла въ Сибири видно, что число учебныхъ заведеній было крайне ограничено. Просвѣщеніе въ Сибирь начало проникать только въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1781 году въ Иркутскѣ была открыта первая городская школа, а въ 1789 году она преобразована въ главное народное училище. Училища эти открывались и въ другихъ городахъ, но, говоря вообще, дѣло шло туго. Нѣкоторыя изъ школъ, открытыя въ прежнее время, до пріѣзда Сперанскаго, были или закрываемы или преобразованы; такъ, напримѣръ, закрылся классъ монгольскаго языка въ Иркутскѣ, приготовлявшій переводчиковъ. Самыми крупными учебными заведеніями въ Сибири были въ то время двѣ семинаріи въ Tobольскѣ и Иркутскѣ; при тобольской семинаріи сохранялись нѣкоторыя сибирскія лѣтописи о покореніи Сибири. Воспитаніе въ этихъ семинаріяхъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось схоластикой, онѣ были раз-

садниками не столько просвѣщенія, сколько семинарскаго педантизма; на своихъ экзаменахъ и актахъ семинаристы выгружали цѣлую массу хрій, одъ и напыщенныхъ сочиненій, но тѣмъ не менѣе они весьма мало вносили истиннаго просвѣщенія, и наука ихъ ничѣмъ не была связана не только съ сибирскою, но и вообще ни съ какою жизнью. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передъ прїѣздомъ Сперанскаго, были основаны двѣ гимназіи: тобольская и Иркутская, въ 1806 году. Въ тобольской до 1823 года число учениковъ не превышало 27; увеличенію числа ихъ препятствовала тѣснота училищныхъ помѣщеній. Въ Иркутской гимназіи при основаніи было 35 учениковъ, а въ 1825 году—47. Около этого же времени открыты уѣздныя и приходскія училища: въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ. Въ Томскѣ продолжало существовать простое народное училище. Кромѣ того, въ 1821 году, учреждено было въ Тобольскѣ училище для дѣтей почтовыхъ служителей, на 40 воспитанниковъ, которые должны были, окончивъ курсъ, поступать въ почтовое вѣдомство. Около 1816 года, въ Омскѣ учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведеніе, собственно для дѣтей казачьяго сословія, съ среднимъ гимназическимъ курсомъ, впослѣдствіи преобразованное въ сибирскій кадетскій корпусъ. Первые изслѣдованія и морскія экспедиціи близъ сѣверныхъ и восточныхъ береговъ Сибири вызвали потребность въ образованныхъ морякахъ. По проекту Беринга, первая навигаціонная школа была основана въ Якутскѣ въ 1736 году, затѣмъ въ Охотскѣ (1740 г.), въ Нерчинскѣ въ 1755, а въ Иркутскѣ въ 1753. При отдаленности края и недостаткѣ учителей для обученія назначались ссыльные. Такъ, въ Охотскую школу Берингъ опредѣлилъ ссыльнаго протонотаріуса Гедерейха; въ Охотскѣ школа была поручена ссыльному Сворнякову-Писареву, который предавался въ ссылке только пьянству и разврату; потомъ эта же школа была ввѣрена ссыльному бывшему обер-полиціеимейстеру Девіеру, который назначилъ для обученія попаразстригу Якова Силлина. Школы эти плохо принимались, учителя въ первое время были безъ жалованья, а учениковъ собирали по-неволѣ; нѣкоторые изъ этихъ школъ совершенно прекращались на время за недостаткомъ средствъ, несмотря на то, что потребность въ образованіи росла. Бензингъ насчиталъ въ Охотскѣ до 123 дѣтей необучающихся и основалъ общенародную школу. У администраціи явился запросъ на геодезистовъ, которыхъ начали брать изъ тѣхъ же навигаціонныхъ школъ. Къ концу прошлаго столѣтія навигаціонныя школы, вмѣсто специально

морского воспитанія, начали поставлять воспитанниковъ для канцелярій и въ землемѣры. Сами руководители специальныхъ школъ, какъ капитанъ Балкъ въ Охотскѣ, выражалъ мысль: «сколь ни полезно образованіе штурмановъ, но нельзя не пожелать, взаимно специальной школы, учрежденія въ Амурскомъ краѣ училища, въ коемъ бы лица всѣхъ сословій получали необходимое для каждого человѣка обще-научное образованіе» ¹⁾. Въ Тобольскѣ и Томскѣ возникли геодезическія школы, удовлетворяя вновь возникавшей административной потребности межеванія. Наконецъ, для специальныхъ цѣлей горнаго дѣла, существовали горныя училища въ Барнаулѣ и Нерчинскѣ. Эти специальные училища, съ обязательнымъ обученіемъ и обязательной службой, содержали иногда учениковъ до глубокой старости, какъ въ одной изъ навигаціонныхъ школъ, и все-таки оказывали весьма слабое вліяніе въ дѣлѣ развитія страны. Въ этотъ темный періодъ, когда общая школа была недоступна Сибири, нельзя было не быть признательными людямъ, явившимся на помощь сибирскому просвѣщенію совершенно добровольно: такими были плѣнные шведы, заводившіе школы въ Сибири. Общее обученіе и образованіе въ Сибири получило право гражданства только въ концѣ прошлаго вѣка. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири были открыты военно-сиротскія отдѣленія, преобразованныя впоследствии въ полубаталіоны военныхъ кантонистовъ. Сперанскій застаётъ Сибирь съ этими обрывками специальныхъ учреждений, зиждущихся въ краѣ безъ всякой системы, какъ когда-то навигаціонныя школы безъ мореплаванія. Онъ увидѣлъ эту обширную страну странною «невѣжественной черни и отверженныхъ преступниковъ», хотя она представляла «всѣ удобства для гражданскаго развитія», какъ выражался онъ, и при умѣнши пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественною колоніей Россіи.

Сдѣлавшись генераль-губернаторомъ и распорядителемъ судебъ Сибири, Сперанскій не могъ не обратить вниманія на жалкое и безпомощное положеніе учебной части въ этомъ краѣ; дѣятельнымъ помощникомъ ему явился Словцовъ, образованный сибирякъ, преданный душой и тѣломъ родинѣ. Какъ образованный чело-вѣкъ своего времени, Сперанскій не могъ не пора-зиться невѣжествомъ сибирскаго населенія, точно также не при-нять во вниманіе его гражданскія потребности, наконецъ буду-щее политическое значеніе края. Въ изданныхъ Сперанскимъ

¹⁾ О навигаціонныхъ школахъ въ Сибири существуетъ обстоятельная статья г. Згбнева въ «Морскомъ Сборникѣ».

сибирскихъ учрежденіяхъ и уставахъ постановлено было заводить школы не только у казаковъ и кочевыхъ инородцевъ, но и въ полудикой киргизской степи, только-что присоединенной къ Сибири. Сперанскій былъ намѣренъ также возстановить упраздненное въ Иркутскѣ училище для изученія языковъ: китайскаго, манджурскаго, монгольскаго, тибетскаго и японскаго. Онъ вступилъ въ переписку съ княземъ Голицынымъ объ учрежденіи «Училища высшихъ наукъ» и поручалъ Томковскому, отправлявшемуся въ Пекинъ, закупить книгъ на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ; къ образованію училища, однако же, встрѣчается непредвидѣнное препятствіе—трудность набрать для него учениковъ; Цейдлеръ предлагаетъ пригласить ихъ изъ воспитательнаго дома, на что Сперанскій соглашается. На долю Сперанскаго выпадало поднимать вопросы, приводить же въ исполненіе свои планы онъ поручалъ другимъ. Такъ и при основаніи высшей школы онъ просилъ губернатора Лавинскаго выработать соображенія. Лавинскій сдѣлалъ распоряженіе о составленіи подробнаго проекта объ училищѣ, но потомъ дѣло это было забыто; проектъ пролежалъ у Лавинскаго ровно 10 лѣтъ послѣ Сперанскаго. Самъ Сперанскій дѣятельно старался покровительствовать просвѣщенію, открывалъ въ Сибири отдѣлы библейскаго общества, развивалъ духъ филантропіи и покровительствовалъ ученымъ путешественникамъ по Сибири: онъ отдавалъ предписанія содѣйствовать имъ всѣми средствами. Въ 1820 году московское общество испытателей природы избрало его своимъ почетнымъ членомъ и предложило ему озаботиться устройствомъ въ Сибири ботаническаго сада. Сперанскій горячо принялся за осуществленіе этого предложенія; для устройства сада онъ выбралъ мѣсто въ 27-ми верстахъ выше Семипалатинска; докторъ Веблеръ уже присылалъ ему образцы сибирскихъ растений; но планъ ботаническаго сада, какъ и многіе другіе планы Сперанскаго, не осуществился, потому что Сперанскій оставилъ Сибирь. Своими заботами и хлопотами о развитіи просвѣщенія въ Сибири, Сперанскій привлекъ къ этому дѣлу генераль-губернатора западной Сибири Капцевича и вызвалъ сочувствіе даже попечителя казанскаго учебнаго округа Магницкаго. Сибирскій комитетъ согласился съ предложеніями Сперанскаго, Капцевича и Магницкаго, находя, что выработанные учебные проекты и высшее образованіе для Сибири «полезно и согласно съ принятыми для управленія Сибирью правилами». Такимъ образомъ мысль о сибирскомъ университетѣ снова возникаетъ.

Генераль-губернаторъ Капцевичъ, во всеподданнѣйшемъ рапор-

тѣ 20-го марта 1823 года, указывалъ на недостатокъ нравственныхъ началъ въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ краѣ просвѣщенныхъ чиновниковъ и на невозможность сибирякамъ, по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ Европейской Россіи. Онъ докладывалъ о необходимости учрежденія въ Сибири высшаго учебнаго заведенія. Тогда же Магницкій представилъ проектъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ высшаго училища, въ видѣ отдѣленія казанскаго университета, съ цѣлью готовить въ немъ учителей для сибирскихъ гимназій и училищъ, студентовъ для пекинской миссіи, дѣтей сибирскихъ чиновниковъ къ гражданской службѣ, а купеческихъ дѣтей—къ торговлѣ съ Китаемъ. На содержаніе училища Магницкій исчислилъ 66,750 рублей въ годъ, кромѣ постройки зданія и содержанія пансіонеровъ. При осуществленіи своего проекта онъ, между прочимъ, имѣлъ въ виду употребить пожертвованный Демидовымъ капиталъ въ 50,000 рублей на учрежденіе университета въ Тобольскѣ, который чрезъ приращеніе процентами, въ 1822 году, представлялъ сумму въ 121,301 руб. 75 коп. и давалъ 6,000 дохода. Изыскивая новыя средства, Капцевичъ проектировалъ отдавать въ оброчное содержаніе рыболовные озера Западной Сибири, Чаны, и оброчную плату обращать на содержаніе высшаго училища. Предполагалось на сибирскій университетъ употребить также доходы съ имѣнія бывшей виленской іезуитской коллегіи. Но Демидовское пожертвованіе было передано въ московскій университетъ, и мысль о высшемъ учебномъ заведеніи въ Сибири, возбужденная Капцевичемъ и одобренная сибирскимъ комитетомъ, осталась, къ сожалѣнію, безъ исполненія надолго. Въ замѣнъ университета, въ 1835 году повелѣно было содержать въ сибирскихъ гимназіяхъ и въ казанскомъ университетѣ казенныхъ воспитанниковъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, число которыхъ было ограничено. Въ представленіи Капцевича мы находимъ всѣ тѣ мотивы необходимости высшаго учебнаго заведенія для такого отдаленнаго и богатаго края, какъ Сибирь, которые вошли въ позднѣйшія представленія. Всякій сколько-нибудь дальновидный государственный человѣкъ не могъ не предвидѣть, что громадный край, изобилующій въ бѣльшей его части разными естественными произведеніями, обладающій несмѣтными минеральными богатствами, долженъ былъ привлечь населеніе, которое будетъ нуждаться въ средствахъ образованія для подрастающихъ поколѣній, не говоря уже о значительномъ числѣ людей, живущихъ въ Сибири вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, и дѣти которыхъ также нуждаются въ образованіи. Невозможность

удовлетворенія такой потребности въ самомъ краѣ неминуемо должна была производить постоянный отливъ молодого поколѣнія изъ Сибири въ Европейскую Россію, гдѣ представлялись всѣ средства для полученія образованія, и эта часть сибирскаго населенія въ бѣльшей части случаевъ для Сибири была потеряна навсегда, такъ какъ, свыкнувшись съ бѣльшими удобствами жизни, лишь немногіе изъ уѣхавшихъ рѣшались возвращаться въ тотъ край, лишая его тѣмъ самымъ совершенно естественнаго и надежнаго элемента для занятія должностей по всѣмъ частямъ мѣстной администраціи и на всѣхъ поприщахъ разнородной частной дѣятельности.

Несмотря на сознанную потребность и постоянно ощущаемый недостатокъ въ Сибири въ образованныхъ людяхъ, дѣло университета съ 1835 года ушло на 20. Въ это время на Сибирь всего менѣе обращалось вниманія, она стала страною забытой, и даже періодъ золотопромышленности въ 40-хъ годахъ не привлекъ заботъ о просвѣщеніи края. Это былъ весьма темный періодъ въ жизни сибирскаго общества. Число учащихся въ гимназіяхъ тобольской и томской сначала не превосходило 27—35 человѣкъ. Въ 1838 году число учениковъ поднялось до 117 въ первой, и 156 во второй; въ 40-хъ годахъ совершается весьма медленный ростъ томской гимназіи, и къ 1853 году число учениковъ въ ней доходитъ до 95. Надо замѣтить, что эти двѣ гимназіи существовали на протяженіи 6,000 верстъ, съ раскиданнымъ русскимъ населеніемъ въ 3.000,000 по крайней мѣрѣ. Нечего говорить, что двѣ гимназіи могли дать самый ничтожный контингентъ людей средняго образованія, даже если бы они стояли на уровнѣ своего призванія. Къ сожалѣнію, эти гимназіи, отдаленныя, не снабженныя достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень долго картину убогаго существованія. Въ сибирскія гимназіи неохотно являлись преподаватели, а потому множество кафедръ оставалось вакантными, остальные замѣщались людьми, случайно на нихъ попавшими или разными авантюристами, наполнявшими Сибирь. Среди нихъ встрѣчались слѣпые, хромые, полусумасшедшіе, спившіеся съ круга люди жестокаго нрава и крайне скудныхъ познаній. «Я помню свою гимназію,—пишетъ одинъ сибирякъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—какъ собраніе монстровъ-преподавателей, которые ежедневно предъ нами не столько излагали познанія, сколько давали разныя комическія и эквилибристическія представленія: одинъ рассказывалъ избытые анекдоты, надъ другимъ, нѣмцемъ, глумились и хохотали до упаду, третій гонялся за нами съ костью-

лемъ; въ корридорахъ и на окнахъ артель учениковъ ставила часовыхъ, чтобы предупреждать пьющихъ въ корридорѣ водку учителей о появленіи инспектора. Тутъ было не до науки! Гимназій въ такомъ видѣ существовали до 60-хъ годовъ. Кто же пополнялъ роль образователей въ нѣсколькихъ губерніяхъ и областяхъ Сибири за отсутствіемъ просвѣщенія? Составъ мѣстныхъ канцелярій снабжали семинаріи, бурсы, наконецъ полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ. Понятно, какихъ дѣятелей изъ нихъ получала сибирская администрація. Если изъ низшихъ школъ выходили иногда люди способные и съ дарованіями, какъ сообщаетъ г. Вагинъ, то не нужно забывать, что изъ тѣхъ же бурсы и кантонистовъ выдвигались забитые розгами идіоты, ворешки казеннаго имущества, безграмотные писаря, выслуживавшіеся иногда до высшихъ должностей холопствомъ и пронырствами. Другую часть сибирскаго общества воспитывали ссыльные преступники или заѣзжіе спекулянты, которые вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ развивали у дѣтей пороки. Иные глумились надъ претензіей сибирскихъ жителей «обучаться», и какой-то ссыльный иностранецъ-филологъ обучилъ сына купца въ насмѣшку татарскому языку, вмѣсто французскаго. Такова была судьба края, гдѣ не было правильной системы воспитанія, гдѣ не было представителей настоящей науки, не было здороваго воздуха умственной жизни. Въ такой средѣ настоящій просвѣщенный человѣкъ рисковалъ или задохнуться или спѣшилъ бѣжать, бѣжать изъ нея,—и изъ Сибири бѣжали.

Университетскій вопросъ между тѣмъ находился какъ-бы подъ спудомъ. Это происходило оттого, что Сперанскій и другіе администраторы, мечтая о привитіи просвѣщенія, а также поднимая вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи для края, къ сожалѣнію, слишкомъ понадѣялись на обыкновенный административный пріемъ поднятія этихъ вопросовъ, путемъ канцелярской переписки, забывая одно, что въ такомъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе, должно быть привлечено и общество своимъ участіемъ, что въ немъ самомъ должна быть затронута потребность жизни—искра сознанія, и что только на этомъ фундаментѣ прочны и осуществимы подобныя учрежденія. Мысль о высшемъ образованіи въ Сибири не могла однако совершенно заглухнуть, она появляется снова въ половинѣ 50-хъ годовъ. Это совпало уже съ нынѣшнимъ царствованіемъ.

Что мысль о сибирскомъ университетѣ не была совершенно забыта въ официальныхъ сферахъ, свидѣтельствомъ служить всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія Но-

рова, по нѣкоторымъ вопросамъ народнаго образованія, представленный имъ Государю Императору 5-го марта 1856 года; изъ доклада видно, между прочимъ, что правительство въ то время уже признало полезнымъ учрежденіе въ Сибири университета. Заявляя объ этомъ, Норовъ присовокупилъ, что «эта благодѣтельная мѣра, если признана будетъ возможною, обѣщаетъ великія послѣдствія краю, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ также животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды». Но предположеніе Норова осталось невыполненнымъ, отчасти по причинамъ, приведеннымъ выше, отчасти же вслѣдствіе того, что въ теченіи 20 лѣтъ, протекшихъ со времени его заявленія, министерство было озабочено различными работами по устройству другихъ училищъ, преобразованіями ихъ и учрежденіемъ новыхъ учебныхъ заведеній въ европейской Россіи.

Такимъ образомъ, вопросу о сибирскомъ университетѣ суждено было возникать періодически. Пожертвованіе Демидовымъ было въ 1803 году; представленіе Капцевича въ 1823; докладъ министра Норова въ 1856 году, а послѣднее представленіе генералъ-губернатора западной Сибири, предшествовавшее открытію особой комиссіи, было въ 1875 году. Съ 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведеніе въ Сибири начали заявлять весьма часто какъ лучшіе администраторы, такъ и лица, заинтересованныя просвѣщеніемъ края. Въ тобольской губерніи сторонникомъ этой мысли явился бывший тобольскій губернаторъ А. И. Деспоть-Зеновичъ; въ восточной Сибири особенно сочувственно отнеслось къ этой мысли учебное вѣдомство. Шестидесятые года, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать ожиданій и въ отдаленной Сибири, сосредоточившейся на завѣтной идеѣ объ университетѣ. Въ это время Иркутскъ, получившій значеніе наиболѣе интеллигентнаго и первостепеннаго центра Сибири, принялъ подъ свое покровительство и дѣятельно разрабатывалъ ту же идею. Въ Иркутскѣ объ этомъ шли учебные совѣты и были дѣлаемы неоднократныя представленія. Въ это время вся Сибирь была убѣждена, что университетъ долженъ быть основанъ въ Иркутскѣ. Нѣкоторые частныя лица также пробовали поднять этотъ вопросъ. Покойный профессоръ Эйхвальдъ въ это время велъ переписку по поводу сибирскаго университета съ однимъ золотопромышленникомъ. Г-нъ Сидоровъ предложилъ пожертвованіе 20 площадей пріисковъ, а также до 10,000 руб. въ годъ на разработку этихъ площадей, но пожертвованіе это, о которомъ

говорилось уже и въ печати, почему-то было отклонено. Въ тѣхъ же 60-хъ годахъ мысль объ университетѣ явилась любимою мыслью молодыхъ выступавшихъ сибирскихъ писателей. Объ этомъ писались статьи, читались публичныя лекціи въ Красноярскѣ, Томскѣ и Омскѣ, проектировалось цѣлое общество для собранія пожертвованій. Однимъ словомъ, университетскій вопросъ сосредоточилъ надежды и идеалы будущаго, онъ отождествился вообще съ лучшею будущностью края, на немъ покоилась вся сила убѣжденія и жаръ молодого сердца. Въ 60-хъ годахъ создавалась цѣлая литература о сибирскомъ университетѣ. Онъ сдѣлался не чуждъ и массѣ населенія. Послѣдній горожанинъ, послѣдній мѣщанинъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ говорилъ о немъ. Бѣдные городскіе классы въ Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано въ немъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Такъ какъ въ Сибири нѣтъ крупнаго и богатаго дворянства, то контингентъ гимназій наполняется въ большинствѣ бѣдняками. Оканчивая курсъ средне-учебныхъ заведеній, эти бѣдняки не могли получить дальнѣйшаго образованія, такъ какъ проѣздъ до университетовъ обходится дорого. Въ то время, когда только нѣкоторые счастливыцы, благодаря средствамъ или казеннымъ стипендіямъ, пробирались въ университетъ, люди способные, съ жаждой знанія, талантомъ и опредѣлившимся часто призваніемъ тонули въ безвѣстныхъ сферахъ мѣстныхъ канцелярій или ѣхали въ глухую сибирскую тайгу на приiski, уходили въ приказчики и цѣлую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенныхъ желаній знанія. Нѣкоторые изъ сибирской молодежи, безъ всякихъ средствъ, путешествовали чуть не пѣшкомъ, съ обозами, въ дальніе университеты; это было своего рода пилигримство ¹⁾. Отцы, разстававшіеся на-долго съ дѣтьми, глубоко чувствовали разлуку, нѣкоторымъ уже никогда не было суждено увидѣть дѣтей своихъ. Лучшія силы изъ Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, если бы высшее учебное заведеніе было на мѣстѣ. Это не могли не сознавать самые простые люди. Отъ этого въ вопросѣ о просвѣщеніи звучали давно наболѣвшія жалобы и семейныя слезы; но университетъ сознавался въ смыслѣ и общихъ потребностей. Часто, при недостаткѣ знающихъ людей, специалистовъ, техникумовъ, химиковъ (золотопромышленники для анализа какого-

¹⁾ До послѣдняго времени видно, какииъ испытаніямъ подвергается сибирское юношество въ погонѣ за просвѣщеніемъ. Въ отчетахъ тобольскаго и томскаго обществъ вспомоществованія студентамъ и бѣднымъ учащимся приводятся примѣры, какъ бѣдствуютъ дѣти бѣдныхъ чиновницъ-вдовъ, причетниковъ, дѣти городскихъ ремесленниковъ, ищущихъ просвѣщенія (см. газета „Сибирь“, 23 и 24 №№ 1879 года).

нибудь камня или руды возили ихъ въ Петербургъ, отыскивая специалиста и т. д.), самъ собою рождался вопросъ: вотъ былъ-бы университетъ, не то бы было!..

Но вопросъ, столь понятный даже для простыхъ людей, не всегда былъ доступенъ для людей, считавшихъ себя авторитетными, но не раздѣлявшихъ интересовъ края. Нѣкоторые умудрялись даже выставлять какіе-то политическіе мотивы препятствіемъ къ обыкновенному общечеловѣческому образованію. Такъ, одинъ изъ видныхъ администраторовъ восточной Сибири, пріобрѣтшій громкое имя въ 60-хъ годахъ, по поводу вопроса объ университетѣ въ Сибири, выразилъ слѣдующую парадоксальную мысль: «сибирякамъ опасно давать высшее университетское образованіе, гораздо болѣе благонадежными могутъ быть здѣсь вызванные на службу изъ Европейской Россіи чиновники». Такое странное заключеніе, не говоря уже о томъ, что оно совершенно неумѣстно, выставляло сибиряковъ, такихъ же русскихъ подданныхъ, какою-то враждебною народностью и вдобавокъ отличалось свѣтобоязнью. Нѣкоторые опять находили, что университетъ для Сибири преждевремененъ, потому что она еще мало населена, что ей недостаетъ гимназій; третьи же относились къ вопросу совершенно равнодушно, такъ какъ были въ Сибири людьми временными — заѣзжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились узнать объ его нуждахъ. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ сквозила та грустная черта нашего характера, которая дѣлаетъ насъ непростительно невѣжественными въ разрѣшеніи нашихъ народныхъ и внутреннихъ вопросовъ. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать нашихъ окраинъ, и въ провинціяхъ, связанныхъ тѣсными узами съ остальною Россією, не хотѣли признать правъ на человѣческое развитіе и образованіе, доступное каждому человѣческому обществу. Кромѣ консервативныхъ и реакціонныхъ аргументовъ, слышались нерѣдко мнѣнія о рановременности университета для Сибири и изъ другого, болѣе либеральнаго лагеря. Такъ, однимъ изъ серьезныхъ и заслуживавшихъ вниманіе выставлялся тотъ доводъ, что, при малочисленности слушателей, университетъ для Сибири будетъ слишкомъ дорогой роскошью, что средства, предполагаемыя на него, лучше употребить на стипендіи въ другихъ университетахъ или на народное образованіе, въ которомъ масса населенія болѣе нуждается. Опытъ Россіи доказываетъ, говорили по этому поводу, что одно высшее образованіе не составляетъ полного развитія страны, что университетская наука часто даетъ одностороннее развитіе, и университеты воспитывали «баричей»; въ Сибири

университетъ также будетъ достояніемъ богатыхъ классовъ, а не народа. Самыя учрежденія приносятъ пользу только при подготовкѣ народа, доказательствомъ чего приводили неудачи земскаго, сельскаго самоуправленія, за недостаткомъ народнаго развитія и воспитанія. Преувеличенныя надежды сибиряковъ на университетъ, поэтому, люди такого сорта старались охладить. Напротивъ, какъ молодой колоніи и юному обществу, начинающему свое развитіе, ей предлагали сдѣлать *опытъ развитія* на иныхъ началахъ. Ей предлагали всѣ средства сосредоточить на первоначальныя школы, предпочтя ихъ всѣмъ реформамъ земской, судебной и самому университету; подобно Американскимъ Штатамъ, ей совѣтовали широко раскинуть сѣть первоначальнаго народнаго воспитанія, а потомъ на этомъ фундаментѣ устраивать дальнѣйшую судьбу свою и строить другія учрежденія.

Какъ ни были серьезны и доброжелательны подобныя доводы, но они не могли переимѣнить сложившагося убѣжденія и не всегда выдерживали критику. Мѣстные жители, правда, возлагали чрезчуръ большія надежды на университетъ и выставляли его пионеромъ реформъ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки упускали изъ виду и другія реформы. Напротивъ, они смотрѣли на университетъ какъ на могучій рычагъ, который дастъ средства создать и другія учрежденія. Сравненіе отдаленной Сибири съ Америкой и рекомендація слѣдовать ей въ дѣлѣ подготовительнаго народнаго воспитанія какъ ни были лестны для мѣстнаго патріотическаго чувства, но они слишкомъ расходились съ грустной дѣйствительностью и положеніемъ края, чтобы быть принятыми. Кто могъ явиться творцомъ народной школы въ широкомъ смыслѣ и какія для того существовали средства въ Сибири? Заботы о сельской школѣ здѣсь должны были выпасть на долю тѣхъ же засѣдателей и земской полиціи. Насколько-бы подобныя школы удовлетворяли своему назначенію—это вопросъ. Большинство сельскихъ школъ въ Сибири существуетъ номинально, крайне искусственно, и не достигаетъ цѣли при крайне неудовлетворительномъ составѣ преподавателей. Творцомъ настоящей народной школы могло явиться только земство, котораго въ Сибири еще нѣтъ. Поэтому совѣтъ сосредоточить все вниманіе на народной школѣ, обойдя всѣ реформы, безъ средствъ и учрежденій, которыя должны были руководить ею, являлся весьма мало практичнымъ. Въ отвѣтъ — не обольщаться реформами земской, судебной и другихъ, также какъ ролью русскихъ университетовъ, сибиряки съ полною справедливостью могли отвѣтить своимъ

противникамъ: «вамъ хорошо говорить о недостаткахъ этихъ учреждений и относиться къ нимъ критически, когда вы ихъ достигли и ваши идеалы и требованія расширились, позвольте же намъ самимъ достигнуть тѣхъ же учреждений, которымъ вы обязаны своимъ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ». Говоря о народной школѣ, не нужно забывать, что земство, гласные суды — такая же школа въ народномъ воспитаніи и что первая безъ послѣднихъ точно также будетъ весьма мало дѣйствительна. Недостатокъ средне-учебныхъ заведеній и гимназій хорошо ощущался сибиряками, но самое увеличеніе гимназій, а стало быть и контингента лицъ для будущаго университета зависѣло не отъ нихъ, оно было немислимо безъ учрежденія высшаго учебнаго заведенія, такъ какъ созданіе гимназій не подвигалось за недостаткомъ въ существующихъ гимназіяхъ преподавателей. Такимъ образомъ, устраненіе университета и недостатокъ гимназій ставилъ Сибирь въ безвыходный *cercle vicieux* прежняго существованія. Вотъ почему сибирское общество и мѣстные сторонники университета не могли удовлетвориться представляемыми имъ возраженіями, а самыя идеальныя обѣщанія заставляли ихъ только горячѣе желать, вмѣсто заоблачныхъ лебедей, получить реальную синицу въ руки. Желаніе и стремленіе мѣстнаго общества стояли на болѣе дѣйствительной почвѣ мѣстныхъ нуждъ и формулировались въ опредѣленные тезисы. Вотъ нѣсколько точекъ зрѣнія, съ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался въ мѣстной и столичной печати въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ:

1) Потребность высшаго учебнаго заведенія въ Сибири обусловливается отдаленностью страны и затрудненіемъ для туземцевъ отправляться за 3—6 тысячъ верстъ для обученія въ русскихъ университетахъ.

2) Необходимость высшаго образованія для пріобрѣтенія техническихъ и естественно-историческихъ знаній, безъ которыхъ богатства страны оставались и остаются мертвымъ капиталомъ, а уровень матеріальнаго благосостоянія населенія былъ крайне низокъ.

3) Необходимость высшаго образованія вслѣдствіе недостатка медиковъ и учителей.

4) Въ видахъ доставленія лучшихъ силъ администраціи.

5) Въ видахъ учрежденія и поддержанія такихъ ученыхъ и общественныхъ учреждений, которыя теперь падаютъ за недостаткомъ образованныхъ людей.

6) Въ видахъ вообще воспитанія общества, созданія въ немъ

образованнаго класса и лучшихъ умственныхъ силъ, поднятія уровня нравственности и созданія гражданской честности.

7) Въ видахъ разработки науки на Востокъ и открытій въ области знаній географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во вниманіе обширность непочатаго для науки азіатскаго материка.

8) Въ видахъ общечеловѣческихъ цѣлей цивилизаціи и распространенія ея въ Азіи.

9) Въ виду воспитанія инородцевъ и дипломатическихъ сношеній нашихъ съ сосѣдними странами Востока.

10) Для усиленія и сохраненія русской національности въ виду новыхъ приобрѣтеній и присоединеній на Востокъ.

11) Въ виду ожидаемыхъ реформъ въ Сибири, которыя безъ этого являются невысказанными.

Во многихъ статьяхъ, посвященныхъ этому предмету, выражались слѣдующія мысли, рисовавшія въ то же время настоятельныя нужды края:

«Число средне-учебныхъ заведеній въ Сибири—говоритъ г. Вагинъ ¹⁾—до послѣдняго времени было очень не велико, они страдали болѣе или менѣе серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ оно было-бы велико при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, можно судить также, какую огромную пользу принесло-бы здѣсь обѣщанное уже съ 1825 года высшее учебное заведеніе, особенно если учрежденію его будетъ предшествовать увеличеніе числа и улучшеніе качества средне-учебныхъ заведеній. Можно судить и о томъ, какъ много потеряла Сибирь оттого, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти пятидесяти лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ»...

«Потребность и жажда учиться у сибиряковъ въ послѣднее время достигла весьма высокихъ размѣровъ, — пишетъ тотъ же авторъ:—одни изъ сибиряковъ пользуются казенными стипендіями, другіе, иногда безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ идутъ въ Казань, Москву, Петербургъ и тамъ слушаютъ университетскій курсъ, пробываясь частью уроками и литературными трудами, частію пособіемъ болѣе зажиточныхъ своихъ земляковъ-товарищей. Любовь къ наукѣ доходитъ у нихъ иногда до самопожертвованія».... «Просвѣщеніемъ Сибирь должна была доселѣ пользоваться только отъ лицъ заѣзжихъ, но большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи—что «Сибирь, золотое дно», что въ Сибири можно *нажиться*

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о гр. Сперанскомъ въ Сибири, т. II, стр. 389 и слѣд.

службою скорѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Еще Сперанскій замѣтилъ, что въ Сибирь ѣдутъ одни «титულлярные совѣтники, то-есть люди, которымъ за недостаткомъ образованія была закрыта дальнѣйшая дорога».

Мы предоставляемъ судить, говорить по этому поводу другой авторъ, — насколько подобный случайный заѣзжій контингентъ, часто съ не совсѣмъ безупречной репутаціей и возрѣвнiями, могъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ края; наконецъ, насколько онъ окажется пригоднымъ при введеніи новыхъ учрежденій въ Сибирь. Признавая важное значеніе университета на Востокѣ въ связи съ введеніемъ реформъ, безъ которыхъ онъ не достигнуть своей цѣли, — говоритъ та же статья, — мы должны придти къ тому заключенію, что этимъ учрежденіемъ должна начаться самая реформа. Созданіе высшаго образованія въ Сибирь будетъ имѣть столь важное значеніе, что одно уже оно повліяетъ на измѣненіе всего склада сибирской жизни. Отъ университета создается цѣлая умственная атмосфера. Можно сказать, что только съ нимъ наступитъ сознательная жизнь мѣстнаго общества, а самый край вступитъ въ новую эру исторической жизни. Тѣ же статьи, представляя ненормальное положеніе общества, изъ котораго лучшія интеллигентныя силы уходятъ, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру внѣ родины, гдѣ они не находятъ дѣятельности, указываютъ на недостатокъ гражданскихъ чувствъ, безкорыстныхъ стремленій и идеаловъ въ краѣ, безъ которыхъ жизнь становилась эгоистическою, сухою, черствою и грубо-животною.

Историческую грубость и неразвитость сибирскаго общества при отсутствіи просвѣтительныхъ и смягчающихъ нравы учреждений, особенно рѣзко и безпощадно характеризовалъ покойный профессоръ Щаповъ въ статьѣ: «Отсутствіе или недостатокъ высшихъ нравственныхъ чувствъ у сибиряковъ». Несмотря на нѣкоторыя преувеличенія и страстность обличенія, статья покойнаго профессора выражала дѣйствительную характеристику общества, преданнаго одной наживѣ, безъ всякаго интеллигентнаго интереса. Ненормальный складъ этой жизни даетъ себя чувствовать особыми явленіями въ родѣ кабалы въ экономической сферѣ, угнетенія инородца, рабствомъ ссыльнаго, грубостью и деспотизмомъ въ семьѣ, жестокостью въ преступленіяхъ и т. п.

Наконецъ, по поводу будущаго значенія университета на Востокѣ въ печати указывалась ему слѣдующая роль: «Оставляя въ сторонѣ тѣ благотѣльные послѣдствія, которыя можетъ имѣть это учрежденіе для края, мы хотимъ опредѣлить, какое онъ будетъ имѣть значеніе для цивилизаціи въ міровомъ значеніи въ смыслѣ про-

свѣщенія и изученія Азіи. Извѣстно, что материкъ Азіи остается отчужденнымъ отъ европейской жизни, европейская цивилизація имѣетъ весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенахъ инородцевъ, цѣлые милліоны азіатскихъ народностей населяютъ сосѣднія русскимъ азіатскія страны. Открыть эти народности для европейской науки и призвать ихъ къ жизни можетъ составить эпоху въ исторіи человѣчества. Единственное европейское населеніе, примыкающее съ сѣвера къ Азіи, — населеніе русское, — чрезъ него долженъ, между прочимъ, пролагаться путь просвѣщенія. Посмотрите же, какими средствами обладаетъ это русское населеніе для своей великой миссіи. Населеніе этого края невѣжественнѣ многихъ глухихъ провинцій Европейской Россіи, оно не обладаетъ никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственною силою. Русское населеніе среди могучей дѣйственной природы часто дичаетъ и стоитъ безпомощнымъ, окруженное инородческими племенами, вліяющими на него болѣе, чѣмъ оно на нихъ. Понятно, что отсюда является постоянное отступленіе отъ культуры русскаго населенія, пониженіе расы вслѣдствіе метисаціи, а также обшинородченіе русскаго элемента. Приводя многочисленные примѣры этого поглощенія русскихъ инородцами, мѣстный публицистъ заключаетъ: «Ежели Сибирь еще на 50-ть лѣтъ останется въ замкнутомъ состояніи и безъ образованія, можно ручаться, что мы увидимъ вырожденіе и преображеніе здѣсь русскихъ въ самоѣдовъ, якутовъ, бурятъ и киргизъ»... «Единственное спасеніе сохранить намъ свою національность, укрѣпить ее, и, усвоивъ цивилизацію, внѣдрить ее къ другимъ народностямъ, это — образованіе. Ненужно забывать, что просвѣтительная миссія на Востокъ должна имѣть въ виду, кромѣ свѣта знанія, внесеніе гуманнхъ христіанскихъ началъ въ жизнь азіатскихъ народовъ, привитіе идей человѣчности и равноправія. Сослужа подобную службу дѣлу цивилизаціи и просвѣщенія на Востокъ, Россія окажетъ услугу не одной себѣ, но и всему человѣчеству».

Вслѣдъ за этимъ въ печати указывались и примѣры, какъ давно уже заботятся о развитіи просвѣщенія европейскіе народы въ своихъ колоніяхъ, дѣлались ссылки на примѣръ англійскихъ университетовъ въ Индіи, Новой Голландіи, въ Капской колоніи. Со взглядами нашихъ противниковъ просвѣщенія на окраинахъ могли быть сопоставлены развѣ взгляды полуварварской Испаніи, когда въ прошломъ столѣтіи явилось запрещеніе училища въ Лимѣ для благородныхъ индійцевъ, когда основаніе училища въ Буэносъ-Айресѣ было отвергнуто, испанскимъ колоніямъ запрещено

было мечтать объ университетѣ, а епископъ Санта-фе настаивалъ на томъ, что креолы для того, чтобы остаться вѣрноподанными, не должны учиться ничему, кромѣ закона Божія.

Истощивъ массу аргументаціи, литература объ университетѣ испытывала крайнее напряженіе, и ея ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно къ вопросу объ университетѣ, — говоритъ авторъ статьи: «Сочувствіе къ наукѣ на востокѣ»; — выражая наши желанія, мы, жители востока Имперіи, можемъ утѣшиться однимъ, что среди нашего поколѣнія есть души, которыя стремятся къ просвѣщенію. Можетъ быть, намъ не удастся дожить до основанія великаго образовательнаго учрежденія на востокѣ. Пусть глаза наши будутъ засыпаны пескомъ, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвиняютъ все поколѣніе, что оно не имѣло возвышенныхъ стремленій. Родина вспомнить всѣхъ, кто ратовалъ за ея просвѣщеніе и идею науки на Востокѣ, она вспомнить добрыя ей пожеланія въ день своихъ радостей, какъ они помнятъ ея въ дни ея скорби».

Такою скорбью отзывались всѣ эти долгія ожиданія, и при такихъ условіяхъ идея сибирскаго университета дожидая до половины семидесятыхъ годовъ; къ ней все болѣе примыкали чувства мѣстныхъ писателей, образованныхъ людей и мѣстнаго общества, она становилась излюбленною мечтою и явилась потому не случайно, не плодомъ одной административной фантазіи безъ всякаго отношенія къ жизни окраинъ, какъ думалось людямъ, въ первый разъ узнавшимъ о существованіи этой идеи и незнакомыхъ съ жизнью края; напротивъ, вполнѣ созрѣвшая, она ждала благоприятной минуты для своего осуществленія.

II.

Въ 1875 году появилось радостное для сибиряковъ извѣстіе въ газетахъ о томъ, что новый генералъ-губернаторъ западной Сибири Н. Г. Казнаковъ, ознакомляясь съ нуждами и потребностями края при вступленіи въ управленіе, рѣшился сдѣлать представленіе о необходимости высшаго образованія въ Сибири. 25 апрѣля 1875 г. состоялось, при назначеніи г.-ад. Казнакова, высочайшее повелѣніе: *«поднять уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ приготовить изъ среды своей людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и по ближайшему и всестороннему обсужденію этого пред-*

мета, повергнуть чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на высочайшее воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета».

Начались подготовленія, которыя состояли въ томъ, что генераль-губернаторъ предположилъ открыть новыя гимназіи для усиленія средняго образованія, какъ подготовительнаго средства для образованія. Съ этою цѣлю положено было открыть гимназіи въ Омскѣ и въ Тюмени. Но при этомъ новая администрація Сибири пришла къ убѣжденію, что учрежденіе новыхъ заведеній этого разряда въ числѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительнымъ потребностямъ края, представляется въ послѣднее время почти невозможнымъ вслѣдствіе недостатка преподавателей. Безъ мѣстнаго въ Сибири университета вновь учреждаемая въ ней, хотя бы въ самомъ маломъ числѣ, гимназіи, подобно тобольской и томской, будутъ затруднены въ привлеченіи необходимыхъ для нихъ учебныхъ силъ, и по прежнему лучшіе воспитанники гимназій съ выѣздомъ для полученія высшаго образованія въ Европейскую Россію, въ большинствѣ случаевъ, будутъ исчезать безслѣдно для Сибири. По прежнему выписанные за тысячи верстъ и съ значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже на половину образованные чиновники, будутъ проживать въ Сибири, тяготясь своимъ положеніемъ и помышляя, послѣ трехлѣтняго обязательнаго служенія, возвратиться обратно на родину. Сибирь же все будетъ продолжать испытывать недостатокъ въ образованныхъ дѣятеляхъ.

Въ новомъ представленіи по поводу сибирскаго университета всѣ эти затрудненія были предвидѣны, и потому въ немъ говорилось, что къ осуществленію сибирскаго университета приступить является вполне своевременнымъ; въ этомъ убѣждаютъ все чаще повторяющіяся заявленія мѣстныхъ начальниковъ и генераль-губернаторовъ о крайнемъ недостаткѣ въ Сибири дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы и въ особенности о крайней затруднительности замѣщенія вакансій медиковъ и учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о весьма ощутительномъ неудобствѣ замѣщенія всѣхъ этихъ вакансій исключительно пришлыми силами, которыя въ большей части случаевъ оказываются не вполне соотвѣтствующими занимаемымъ ими мѣстамъ, и, наконецъ, о безвыходномъ положеніи родителей, вынужденныхъ для предоставленія дѣтямъ ихъ высшаго образованія посылать ихъ въ Европейскую Россію, гдѣ они вполне отчуждаются отъ семействъ и ихъ родныхъ обычаевъ. Сверхъ сего, Сибирь страна еще почти не початая въ научномъ отношеніи: ученые экспеди-

ціи, отправлявшіяся туда для изслѣдованія края, успѣли разработать только весьма незначительную часть имѣющагося въ немъ научнаго матеріала; борясь съ затрудненіями, сопряженными съ огромными переѣздами, экспедиціи эти могли заниматься своимъ дѣломъ лишь урывками, извлекать научныя свѣдѣнія только частями. Научный центръ въ самой Сибири даль-бы возможность сосредоточеннымъ въ немъ ученымъ силамъ изслѣдовать край съ бѣльшимъ удобствомъ, и съ необходимыми для успѣшности работъ послѣдовательностью и постоянствомъ. Обиліе подлежащаго научному изслѣдованію матеріала въ Сибири доказывается уже тѣмъ, что она съиздавна привлекала и привлекаетъ въ послѣднее время изслѣдователей не только изъ Европейской Россіи, но и изъ нѣкоторыхъ странъ западной Европы. Съ начала прошлаго столѣтія начали посѣщать Сибирь знаменитые путешественники. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія посѣтили для изученія богатствъ ея Гумбольдтъ, Розе, Эренбергъ, Ледебуръ, наконецъ, въ послѣдніе годы Миддендорфъ, Котта, Бремъ и другіе.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ, — заключаетъ представленіе, — съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества пріѣзжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни суды, ни народное здоровье, ни учебное дѣло въ этомъ краѣ не обезпечено достаточнымъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу лицъ. Въ подтвержденіе этого достаточно сказать, что въ двухъ только гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, существующихъ въ Западной Сибири, недостаетъ въ настоящее время *шести штатныхъ преподавателей* по важнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса, древнимъ языкамъ и русскому языку съ словесностью, одного по исторіи съ географіей и двухъ по новымъ иностраннымъ языкамъ, и что *недостатокъ врачей превышаетъ 31%* штатнаго числа сихъ должностныхъ лицъ при разныхъ учрежденіяхъ этого края, а именно врачей положено штатами 122, *недостаетъ же 39 человекъ*. Независимо отъ сего, Сибирь и внѣ служебнаго поприща не менѣе, если не болѣе нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ ея производительныя средства, связанныя съ естественными богатствами, остаются мало-изслѣдованными. Примѣры такого явленія очевидны; не имѣя университета, Сибирь изъ своихъ уроженцевъ не могла воспитать ни одного вполне образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвятило ей, какъ родному мѣсту, свои полезныя силы. Мало того, въ ней постоянно повторяется слѣдующее неутѣши-

тельное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники, окончившіе курсъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ и поступившіе въ университеты имперіи, по пріобрѣтеніи тамъ высшаго образованія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь, но несравненныя въ преимуществахъ службы съ уроженцами не-сибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо невѣдомыми дотола удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденныя въ ней средне-образовательныя заведенія, вмѣсто того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служатъ какъ-бы средствомъ для отвлеченія изъ нея свѣжихъ живительныхъ умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой, взамѣнъ ихъ, нерѣдко являются на службу, не безъ значительныхъ для государства денежныхъ затратъ, искатели счастья, не успѣвшіе въ ней пристроиться по недостатку свѣдѣній, а иногда и сомнительной нравственности, въ большинствѣ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію. Со времени перваго заявленія мысли объ учрежденіи университета, — говоритъ представленіе, — народонаселеніе въ Сибири возросло до 5.000,000, открытыхъ въ ней *четырехъ* гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія оказывается недостаточно для удовлетворенія потребностей края, а учрежденіе новыхъ средне-образовательныхъ заведеній встрѣчаетъ затрудненіе въ недостаткѣ подготовленныхъ преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, и удовлетворить этой нуждѣ не могутъ высшія учебныя заведенія имперіи, куда учащіеся должны слѣдовать за четыре-пять, а иногда и болѣе тысячъ верстъ; словомъ, представляется нынѣ настоящая необходимость возвысить уровень образованія въ Сибири, дать мѣстнымъ ея уроженцамъ средства развивать и оберегать свои умственные силы на пользу самой Сибири, что можетъ быть достигнуто только учрежденіемъ университета въ этомъ краѣ.

По вопросу о томъ, найдется ли достаточное число слушателей для сибирскаго университета, вопросу, служившему аргументомъ для многихъ противниковъ университета въ Сибири, выяснилось слѣдующее: 1) въ гимназіяхъ Западной и Восточной Сибири въ 1875 году выдержали испытаніе зрѣлости 38 молодыхъ людей (въ томъ числѣ въ Тобольскѣ 9, Томскѣ 14, Ир-

кутскѣ 10 и Красноярскѣ 5); и 2) въ 1875 — 1876 учебномъ году въ четвертыхъ классахъ духовныхъ семинарій (гдѣ оканчивается общій курсъ и изъ коихъ дозволено поступить въ университетъ) тобольской и иркутской числится 31 ученикъ и въ среднемъ отдѣленіи томской духовной семинаріи, соотвѣтствующемъ 4-му классу преобразованныхъ по новому уставу семинарій, 34, всего въ трехъ семинаріяхъ (изъ четвертой Благовѣщенской свѣдѣній не имѣется) 65 учениковъ. Имѣя въ виду эти данныя, какъ болѣе или менѣе постоянныя, а также принимая во вниманіе стремленіе молодыхъ людей къ высшему образованію, что подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что изъ 23-хъ выдержавшихъ въ минувшемъ году въ гимназіяхъ тобольской и томской испытаніе зрѣлости, — 20 заявили желаніе поступить въ университеты и въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, можно допустить, что и при нынѣшнемъ числѣ средне-образовательныхъ учебныхъ заведеній университетъ въ Сибири имѣлъ бы ежегодно отъ 60 до 70 новыхъ слушателей, считая въ томъ числѣ и воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Такое число слушателей, въ началѣ безспорно не большое по сравненію съ другими университетами, вполнѣ, по мѣрѣ открытія новыхъ гимназій и выпуска изъ нихъ воспитанниковъ, возрасло бы, и во всякомъ случаѣ университетъ въ Сибири, въ самомъ началѣ своего открытія, не остался бы безъ такого контингента учащихся, при которомъ возможна его дѣятельность съ довольно значительными результатами для края. Поставивъ такимъ образомъ вопросъ объ университетѣ, и при объясненномъ выше небольшомъ составѣ слушателей, на почву практической возможности его осуществленія, представленіе полагаетъ, что отсрочивать учрежденіе сего заведенія, до времени подготовки большаго числа слушателей, значило бы замедлить открытіе новыхъ средне-образовательныхъ учебныхъ заведеній и оставлять на долгое, если не на определенное время, неудовлетворенными потребности края въ образованіи достойныхъ для него дѣятелей. Вотъ данныя, которыя приведены были въ проектѣ 1875 года ¹⁾.

Затѣмъ были выражены слѣдующія предположенія: а) Университетъ полезно бы было учредить изъ 4-хъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. б) Число кафедръ по каждому факультету можно было бы, на первое время, ограничить наиболѣе необходимыми

¹⁾ Три года спустя представились уже новыя данныя объ учебномъ дѣлѣ въ Сибири, которыя мы приведемъ ниже.

и основными, съ тѣмъ, чтобы, со временемъ, по мѣрѣ пріисканія достойныхъ профессоровъ и увеличенія числа студентовъ, число ихъ постепенно пополнялось до нормы, положенной общимъ уставомъ университета. в) Сообразно ограниченію числа кафедръ предполагалось уменьшить число преподавателей, а слѣдовательно и сумму падающихъ на государственное казначейство расходовъ, произведя также возможныя сокращенія издержекъ и по нѣкоторымъ другимъ статьямъ, опредѣленнымъ дѣйствующими штатами университета. г) За необходимыми изыятіями, проектируемый университетъ подчинить дѣйствию общаго устава университетовъ въ имперіи.

Вообще по составленному въ Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительныя сокращенія расходовъ сравнительно со штатами 1863 года, напримѣръ: сокращеніе 63,000 руб. вслѣдствіе уменьшенія числа профессоровъ и доцентовъ; 12,985 руб. отъ предположенія не учреждать на первое время факультетскихъ клиникъ; на стипендіи студентамъ назначалась сравнительно небольшая сумма 10 т. рублей. Всего относительно штата средняго по стоимости содержанія университета (Харьковскаго) расходъ сокращенъ на 126,609 руб. Такимъ образомъ, сумма, необходимая для содержанія университета въ Сибири, исчислена первоначально въ проектѣ въ 212,220 руб. Сумма эта, по мнѣнію генераль-губернатора Западной Сибири, можетъ быть еще сокращена на 6,000 руб., отпускаемыхъ нынѣ на 20 сибирскихъ стипендіатовъ въ университетахъ по мѣрѣ окончанія курса или вообще выбытія этихъ стипендіатовъ.

Кромѣ того, въ виду экономической и финансовой стороны дѣла обращено было вниманіе на слишкомъ крупныя издержки, которыя въ настоящее время несетъ государство вслѣдствіе преимуществъ, предоставленныхъ пріѣзжающимъ изъ Европейской Россіи на службу въ Сибирь. Собранныя по этому предмету свѣдѣнія показываютъ, что въ одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую службу жалованье ассигновано къ расходу въ 1875 году 67,032 руб. 81½ коп., и что въ 1874 году выдано пособій (окладовъ годового жалованья) вновь опредѣленнымъ на службу въ этотъ край 12,804 руб. 80 коп. По полученнымъ же отъ генераль-губернатора Восточной Сибири свѣдѣніямъ назначено въ этой части Сибири на 1875 годъ, на прибавочное жалованье за сибирскую службу, 65,430 руб. 86 коп., а на выдачу годовыхъ окладовъ жалованья вновь опредѣленнымъ на службу въ Восточную Сибирь чиновникамъ употреблено въ 1874 году 21,687 руб. 73 коп. Такимъ образомъ, въ совокупности, изъ

держки эти простираются для обѣихъ частей Сибири до 167,000 руб. въ годъ. Необходимо допустить, что, съ учрежденіемъ сибирскаго университета и по мѣрѣ приготовленія въ немъ дѣятелей изъ уроженцевъ Сибири, потребность въ пришломъ элементѣ служащихъ постепенно падала бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и расходъ на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма на постройку университета въ представленіи сибирскаго начальства была исчислена въ 500,000 рублей; причемъ первоначально университетъ долженъ былъ быть безъ клиникъ съ замѣною ихъ мѣстными госпиталями. Сумма эта была слишкомъ ничтожна даже по мѣстнымъ средствамъ, принимая во вниманіе, что въ то же время на постройку флигелей сибирской военной гимназіи было ассигновано 425,000 рублей ¹⁾. Сверхъ того, было указано, что часть необходимыхъ для постройки денегъ находится уже въ пожертвованіи Демидова, и капиталъ этотъ достигаетъ 151,000 рублей; затѣмъ на этотъ предметъ можетъ быть еще обращено пожертвованіе г. Цибульскаго въ 100,000 руб., а слѣдовательно, въ 1875 году отъ казны понадобилось бы не болѣе 350,000 рублей. Наконецъ, въ изысканіи средствъ къ сокращенію издержекъ казны на этотъ предметъ генераль-губернаторъ Казнаковъ указывалъ на могущую произойти экономію для казны 200,000 р. при введеніи вольныхъ почтъ. Хотя соображенія относительно вольныхъ почтъ не оправдались ²⁾, но они служили свидѣтельствомъ всей напряженности въ изысканіи средствъ къ облегченію казны въ этомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, требованія по расходамъ на созданіе сибирскаго университета были доведены, какъ указываютъ документы, до послѣдняго минимума. Относительно предоставленія правъ и преимуществъ для привлеченія профессоровъ и доцентовъ въ новый университетъ не испрашивалось ничего, какъ только тѣ преимущества, которыя установлены вообще для служащихъ въ Сибири; затѣмъ предполагалось открытіе на первое время лишь самыхъ необходимыхъ кафедръ ³⁾. Сумма на личный

¹⁾ Постройка другихъ учреждений, какъ, напримѣръ, харьковскаго технологическаго института обошлась въ 2.000,000 руб., и сумма эта не была найдена обременительной. Штигицъ на сооруженіе рисовальной школы пожертвовалъ 1.000,000 р. Казалось, для сибирскаго университета на постройку скорѣе необходимо было бы 500,000 р. казенныхъ приложить къ частнымъ пожертвованіямъ.

²⁾ Вольныя почты въ рукахъ монополистовъ были бы только бременемъ для Западной Сибири, какъ доказало обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса.

³⁾ Въ историко-филологическомъ факультетѣ, по проекту генераль-губернатора, предполагалось только 6 кафедръ при 8 профессорахъ и 3 доцентахъ, вмѣсто положенныхъ по уставу 1863 года 11 кафедръ при 12 профессорахъ и 7 доцентахъ.

составъ должна была по смѣтѣ не превышать 212,220 рублей. Основаніе отдѣленія *восточныхъ языковъ*, столь необходимаго для Сибири, отлагалось на неопредѣленное время.

Предположенія и требованія эти были до того умалены, ограничены, и составъ университета могъ явиться столь неполнымъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ своихъ замѣчаніяхъ, сочло нужнымъ указать, что, при недостаточныхъ штатахъ, едва ли можно рассчитывать на привлеченіе достойныхъ профессоровъ и доцентовъ, безъ чего самый университетъ не станетъ на подобающую высоту, почему необходимо, для привлеченія профессоровъ и доцентовъ, увеличить оклады въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ. Относительно состава и числа кафедръ, министерство, соглашаясь въ общемъ, нашло нужнымъ сдѣлать только нѣкоторые измѣненія, такъ: на филологическомъ факультетѣ, вмѣсто 6 кафедръ и 8 профессоровъ, назначить до 7 кафедръ и 9 профессоровъ; на юридическомъ факультетѣ прибавить также по кафедрѣ и по профессору. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высказано было желаніе не устранять для сибирскаго университета кафедру исторіи иностранныхъ законодательствъ, а включить ее въ составъ энциклопедіи права; нельзя также исключить международное право, такъ какъ оно имѣетъ не одинъ историческій интересъ, а потому, чтобы дать хотя общее понятіе о немъ, положено соединить въ одинъ предметъ «государственное право» и «общую теорію международнаго права». Сочтено нужнымъ прибавить также нѣсколько профессоровъ и доцентовъ на медицинскомъ факультетѣ. Въ общемъ же, увеличеніе противъ представленнаго проекта генераль-губернатора предполагалось только до 4 профессоровъ, 2 доцентовъ и 1 помощника профессора. Относительно постройки университета безъ клиникъ, министерство народнаго просвѣщенія также не нашло удобнымъ согласиться, и въ общей смѣтѣ полагало бы на постройку университета опредѣлить не менѣе 600,000 рублей. Размѣръ статей расходовъ на лабораторію и кабинетъ до 1000 руб., на

Въ физико-математическомъ факультетѣ полагалось въ проектѣ 8 кафедръ при 12 профессорахъ и 4 доцентахъ, вмѣсто положенныхъ 12 кафедръ при 16 профессорахъ и 3 доцентахъ. Въ юридическомъ факультетѣ предполагалось, вмѣсто 13 кафедръ при 13 профессорахъ и 6 доцентахъ, имѣть 8 кафедръ при 8 профессорахъ и 3 доцентахъ, причемъ политическая экономія и статистика соединялись въ одномъ лицѣ. Исторія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, международное право и исторія славянскихъ законодательствъ совсѣмъ опускались. Медицинскій факультетъ предполагалось сократить до 11 профессоровъ и 9 доцентовъ. По штату сибирскаго университета, полагалось только 2 лектора иностранныхъ языковъ (а по общему уставу ихъ полагается 4).

ботаническій кабинетъ 400 руб. и выписку журналовъ 750 р. найдены уменьшеннымъ, такъ какъ, по отдаленности сибирскаго университета и затруднительности высылки и получения необходимыхъ предметовъ, расходы эти должны бы были увеличены. Вообще, министерство нашло нужнымъ на постройку университета увеличить расходъ до 600,000 руб., а на личный составъ и на учебныя принадлежности просить 307,820 рублей ¹⁾. Министръ финансовъ, съ своей стороны, не встрѣтилъ препятствій къ внесенію въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1878 и 1879 г. потребныхъ на постройку университета суммъ, но съ тѣмъ, чтобы въ число ихъ были зачитаемы не только суммы, уже пожертвованныя на сибирскій университетъ, но и тѣ, которыя, въ виду окончательнаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи университета, вновь поступить могутъ. По мнѣнію министра народнаго просвѣщенія предполагалось открытіе сибирскаго университета съ 1 іюля 1879 года въ составѣ 4 факультетовъ. Министръ же финансовъ находилъ, что отпускъ денегъ слѣдуетъ назначить съ іюля 1880 г., съ ассигнованіемъ 100,000 руб. на предварительные расходы. Окончить постройку университета предполагалось къ 1880 году. Мѣстомъ основанія университета по первоначальному проекту былъ избранъ Омскъ. Въ такомъ видѣ, согласно высочайшему повелѣнію 24 апрѣля 1876 г., вопросъ о сибирскомъ университетѣ внесенъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія, а послѣднимъ въ государственный совѣтъ.

Проектъ сибирскаго университета при такихъ условіяхъ не встрѣчалъ, повидимому, особыхъ препятствій къ своему осуществленію. Можно было ожидать, что открытіе университета, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, осуществится, и надежды Сибири сбудутся; но и на этотъ разъ ожиданіямъ сибирскаго края суждено было исполниться не столь скоро, какъ ожидалось. Славянское движеніе и война съ Турціей, какъ и финансовыя обстоятельства Россіи еще разъ отодвинули этотъ вопросъ, почти рѣшенный, на второй планъ и пріостановили практическое осуществленіе начатаго дѣла. Самый проектъ учрежденія университета, къ сожалѣнію, далеко не привлекъ должнаго вниманія столичной печати и общества, и не вызвалъ всесторонняго обсужденія,

¹⁾ По штатамъ 1863 года, съ присоединеніемъ другихъ сверхштатныхъ суммъ, другіе университеты получаютъ:

С.-Петербургскій	375,586 руб.
Московскій	466,950 "
Харьковскій	357,973 "
Казанскій	376,872 "
Кіевскій	373,160 "

можетъ быть, благодаря тому, что самый проектъ не былъ опубликованъ. Одинъ только пунктъ этого проекта вызвалъ вниманіе общества и печати, напомнивъ, что проектъ этотъ разсматривается. Пунктъ этотъ касался избранія города для сибирскаго университета и, играя, повидимому, второстепенную роль, получилъ тѣмъ не менѣе первостепенное значеніе для края. При этомъ нужно имѣть въ виду обстоятельства, которыми избраніе мѣста для университета сопровождалось.

Когда-то, по мысли жертвователя Демидова, предполагался мѣстомъ для резиденціи университета Тобольскъ, но городъ этотъ давно потерялъ свое значеніе центра и метрополи Сибири. Въ 60-хъ годахъ предполагалось основаніе университета въ Иркутскѣ, какъ пунктѣ, получившемъ особенное развитіе въ краѣ, но впослѣдствіи не разъ высказывались преимущества Томска, какъ центральнаго пункта для обѣихъ частей Сибири. При поднятій вопроса объ университетѣ въ 1875 г. большинство полагало, что выборъ падетъ на Томскъ, какъ на самый видный городъ Западной Сибири, обладающій всѣми необходимыми для университетскаго города условіями. Таково же было ожиданіе жертвователя, давшего въ числѣ первыхъ 100,000 рублей на основаніе томскаго университета. Но административныя соображенія заставляли проектъ высказаться за Омскъ, городъ находящійся на окраинѣ, а не въ центрѣ Сибири. Несмотря на всѣ аргументы въ пользу Омска, какъ города будущаго, и его административныя преимущества, мысль избранія его резиденціей университета, противорѣчащая вообще интересамъ сибирскаго края и общества, явилась вдобавокъ неожиданностью для сибиряковъ и, понятно, вызвала самые горячіе протесты. Омскъ представляетъ въ Западной Сибири довольно большой, но преимущественно чиновничій городъ, имѣвшій когда-то военное и административное значеніе при завоеваніи киргизской степи; но и это значеніе съ покореніемъ степей въ значительной степени утратилось. Находясь въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта и центра населенія, онъ угрожалъ сдѣлать университетъ пустымъ. Наконецъ, городъ Омскъ переполненъ исключительно элементомъ наѣзжимъ, временнымъ и никакой связи съ страной неимѣющимъ; для самихъ пріѣзжающихъ онъ играетъ роль только временной станціи ¹⁾. Вотъ почему общественное мнѣніе Сибири

¹⁾ Изъ взвѣшенныхъ и разсмотрѣнныхъ доводовъ и числовыхъ данныхъ, разсмотрѣнныхъ въ особой комиссіи при государственномъ совѣтѣ, оказалось, что Омскъ не обладаетъ ни однимъ изъ преимуществъ для университетскаго города по сравненію его съ Томскомъ.

весьма рѣшительно выступило противъ Омска, а мѣстная и столичная печать рѣшительно отдавали преимущество городу Томску.

Исторія этой борьбы и соперничества городовъ за университетъ составляетъ яркій эпизодъ и живую страницу общественной сибирской жизни. Сибирскія городскія общества по этому поводу составляли многочисленные адреса и представленія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, томскій городской голова: «Послѣднія петербургскія газеты и телеграфъ принесли въ Томскъ давно ожидаемую съ нетерпѣніемъ вѣсть о близкомъ окончательномъ рѣшеніи вопроса относительно дарованія Сибири перваго университета. Такое важное, можно сказать, историческое событіе для Сибири побудило нѣсколькихъ гласныхъ, какъ представителей всѣхъ слоевъ общества, обратиться ко мнѣ съ заявленіемъ, назначить въ одно изъ засѣданій думы вопросъ объ обсужденіи обстоятельствъ, относящихся къ этому дѣлу. Разрѣшая учрежденіе въ Сибири университета, правительство, въ благомъ попеченіи о нуждахъ края, имѣло несомнѣнно цѣлью предоставить жителямъ Сибири дать дѣтямъ своимъ высшее образованіе безъ излишнихъ затратъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ отправкою для обученія въ университетскіе города Европейской Россіи. Для достиженія этой цѣли, мѣстопробываніе университета, конечно, должно быть избрано въ томъ изъ городовъ, который не только находился бы въ центрѣ Сибири по своему географическому положенію, но въ то же время былъ бы въ тѣсной связи со всѣми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Такимъ центральнымъ пунктомъ является городъ Томскъ».

Разобравъ всѣ аргументы за Томскъ и Омскъ, а также указавъ значеніе этихъ городовъ вообще для края, представитель томскаго городского сословія говоритъ въ заключеніе: «Всѣ эти доводы и факты приводятъ, съ одной стороны, къ несомнѣнному убѣжденію, что учрежденіе университета въ гор. Томскѣ было бы далеко полезнѣе для обѣихъ частей Сибири и указываетъ съ другой стороны, что университетъ г. Омска рискуетъ остаться вовсе безъ слушателей и быть закрытымъ или переведеннымъ въ тотъ же Томскъ. Но газеты сообщаютъ за положительное, что университетъ учреждается въ Омскѣ. По предложенію генералъ-губернатора Западной Сибири, послѣдовавшему въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, объ уступкѣ въ гор. Томскѣ мѣста подъ университетъ, граждане этого города, съ глубокою признательностью и готовностью, въ 19 день января, единогласнымъ рѣшеніемъ думы, сдѣлали уступку 35,000 квадрат. сажень лучшаго мѣста

подъ университетъ, и въ тотъ же день гражданинъ города Томска Цибульскій пожертвовалъ 100,000 рублей на устройство предполагаемаго въ гор. Томскѣ университета. Если бы даже отведенное мѣсто, по какимъ-либо причинамъ, было признано неудобнымъ, то граждане Томска, въ виду того громаднаго значенія, какое имѣеть университетъ для Сибири, не затруднятся отвести другое мѣсто, которое будетъ избрано, лишь бы только учреждаемый университетъ, по своему мѣсторожденію, удовлетворялъ удобствамъ жителей всей Сибири; причемъ можно надѣяться, что въ такомъ случаѣ мѣстное купечество не затруднится на пожертвованія, и примѣръ г. Цибульского найдетъ многихъ подражателей. Извѣстіе о предполагаемомъ открытіи въ городѣ Томскѣ университета было встрѣчено сочувственно всѣми жителями Восточной Сибири, какъ это было видно изъ личныхъ заявленій и отзывовъ въ газетахъ. Зная убѣжденіе всѣхъ сибиряковъ, что г. Томскъ есть центральный городъ Сибири, граждане города Томска не сомнѣвались, что университетъ будетъ учрежденъ здѣсь, и потому не принимали никакихъ ходатайствъ и имъ, до сихъ поръ, неизвѣстны причины переменъ первоначальнаго взгляда правительства, если таковая дѣйствительно состоялась, какъ видно изъ газетъ. Если принять за основаніе учрежденіе университета въ Омскѣ болѣшую возможность надзора за учащимися высшаго центрального управленія, находящагося въ томъ городѣ, то граждане города Томска полагаютъ, что было бы удобнѣе перевести высшую учебную администрацію въ городъ Томскъ, чѣмъ рисковать университету остаться безъ студентовъ».

Точно также характеристиченъ и другой документъ, адресованный министру народнаго просвѣщенія отъ имени жертвователя на сибирскій университетъ, Захара Михайловича Цибульского:

«Ни въ одной части Россіи общество не прочувствовало такъ глубоко недостатокъ высшаго образованія, какъ въ отдаленной отъ умственныхъ центровъ Сибири. Поэтому извѣстіе о намѣреніи правительства учредить въ Томскѣ университетъ было встрѣчено сибиряками съ невыразимымъ восторгомъ. Наши начинанія, касались ли они науки и воспитанія, городского хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными, вслѣдствіе недостатка знанія: мы желаемъ изслѣдовать Сибирь для себя, а между тѣмъ къ намъ пріѣзжаютъ Норденшельды, Бремы, представители чужихъ интересовъ. Мы жертвуемъ деньги на пріюты, городскія и сельскія школы, но заведенія эти не приносятъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы, по неимѣнію хоро-

шихъ преподавателей. Намъ должно заботиться о городскомъ благоустройствѣ, ассенизаціи нашихъ жилищъ и улицъ, но гдѣ взять исполнителей? Неисчерпаемыя естественныя богатства Сибири лежать нетронутыми, ожидая умѣлыхъ руки для ихъ разработки. Приведенныя и другія подобныя задачи не вымышленныя, а дѣйствительныя и насущныя, — разрѣшатся въ благопріятномъ смыслѣ, когда въ Сибири будетъ разсадникъ высшаго образованія. Вотъ почему вѣсть объ университетѣ была встрѣчена единодушнымъ сочувствіемъ, которому въ особенности содѣйствовало удачное избраніе Томска университетскимъ городомъ... «Не буду повторять доводы за Томскъ, — говоритъ жертвователь, — изложенные въ представленномъ ходатайствѣ томской городской думы. Взгляды томской думы раздѣляютъ другіе города Сибири, изъ которыхъ нѣкоторые присоединились къ ходатайству за Томскъ. Услышавъ о намѣреніи избрать Омскъ университетскимъ городомъ, енисейская дума, по постановленію 15 іюня 1877 года, ходатайствовала чрезъ мѣстнаго губернатора и посылала телеграмму вашему сіятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сдѣлала верхнеудинская дума, по постановленію своему 12 іюля. Красноярскій городской голова, въ письмѣ отъ 5 іюля за № 1169, выражалъ томскому головѣ, что его общество сочувствуетъ устройству университета въ Томскѣ, но что, къ сожалѣнію, время для ходатайства о томъ, по мнѣнію этого общества, упущено. Барнаульскій городской староста писалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, что тамошнее общество, безусловно, раздѣляетъ воззрѣніе томской думы, но оно не можетъ официально высказаться, потому что тамъ не введено городское положеніе. Это ясно доказываетъ, что сочувствіе къ Томску не вытекаетъ изъ эгоистической заботы однихъ лишь его гражданъ о выгодахъ своего города; такое узкое воззрѣніе не заслуживало бы поощренія. Пусть откроютъ въ Сибири двѣ подписки на университетъ въ Омскѣ и на университетъ въ Томскѣ, тогда увидать нагляднымъ образомъ, что первому никто не сочувствуетъ, на второй же посильныя приношенія деньгами, учрежденіемъ стипендій и т. п. потекутъ широкой рѣкой. Ошибаться въ выборѣ пункта для университета — значило бы дискредитировать здѣсь самую идею высшаго образованія, отдалить ожидаемые для Сибири отъ университета благіе результаты, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе».

Такимъ образомъ, въ Томскѣ сосредоточивались сочувствующія ему заявленія со всѣхъ городовъ Сибири. Иркутская дума сдѣлала въ полномъ собраніи открытое заявленіе и представила министру народнаго просвѣщенія слѣдующій адресъ: «Учрежденіе

университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, признано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны... Университетъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, былъ завѣтнымъ желаніемъ Сибири, и городъ Иркутскъ можетъ съ увѣренностью сказать, что въ немъ и зародилась, и долгое время зрѣла мысль объ университетѣ. Но когда эта мысль вполнѣ созрѣла и стала близка къ осуществленію, когда возникъ практическій вопросъ: гдѣ быть университету?—городъ Иркутскъ, движимый чувствомъ справедливости и интересами не одной восточной, но и всей Сибири, уступилъ свое право Томску. Никто въ восточной Сибири не возражалъ противъ преимуществъ географическаго положенія Томска. Не то произошло, когда прошла вѣсть, что мѣстомъ основанія сибирскаго университета предполагается Омскъ. Если намъ придется посылать своихъ дѣтей за три тысячи верстъ, то не лучше ли, по-прежнему, отправлять ихъ въ Казань или въ столицы, гдѣ болѣе и образовательныхъ средствъ, и самая жизнь удобнѣе и поучительнѣе. Таково общее мнѣніе восточной Сибири. Иркутская городская дума, вслѣдствіе сношенія томской думы, уполномочила меня почтительнѣйше заявить вашему сіятельству, что основаніемъ университета въ Омскѣ только въ половину будетъ исполнено желаніе Сибири, жаждущей высшаго образованія; что университетъ въ Омскѣ далеко не будетъ имѣть того значенія, какое имѣлъ бы, находясь въ центрѣ и на великомъ пути отъ Атлантическаго къ Тихому океану, и что, наконецъ, если Иркутскъ охотно уступилъ Томску великое право имѣть въ своихъ стѣнахъ разсадникъ высшаго образованія, то уступить это право отдаленному и малоизвѣстному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя порученіе иркутской городской думы, имѣю честь заявить вашему сіятельству о желаніи моихъ согражданъ, чтобы дѣло о дарованіи университета Сибири завершено было въ духѣ общихъ желаній сибиряковъ, которые питаютъ надежду, что въ дѣлѣ такой важности голосъ ихъ будетъ выслушанъ и ихъ соображенія приняты во вниманіе при указаніи мѣста, гдѣ быть сибирскому университету.—Заступающій мѣсто иркутскаго городского головы Николай Лаврентьевъ».

Значительная часть городовъ Сибири и обществъ сгруппировались такимъ образомъ около Томска, города Восточной Сибири, всѣ высказывались за него; изъ городовъ Западной Сибири только Тобольскъ и Тюмень заявили нѣкоторый партикуляризмъ. Тобольскъ, по традиціи, рѣшилъ самъ заявить себя въ кандидаты, а Тюмень высказался за Омскъ, какъ ближайшій къ нему городъ. Коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія вопроса о

выборѣ города для университета, взвѣсила всѣ аргументы, высказанные за тотъ и другой городъ, оцѣнила ихъ вполне беспристрастно и отдала предпочтеніе центральному пункту Сибири — Томску. Вопросъ, такимъ образомъ, счастливо миновалъ роковую ошибку, которая могла бы отразиться фатально на судьбѣ университета.

Вслѣдъ за результатами сужденій комиссіи и окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса государственнымъ совѣтомъ въ пользу Томска ¹⁾ мѣстныя симпатіи общества къ сибирскому университету выразились новыми пожертвованіями. Томское общество внесло 25,000 руб. на клиники и 5,000 руб. на покупку книгъ для библіотеки. На приглашеніе генераль-губернатора Западной Сибири, А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 100,000 руб. на устройство кабинетовъ, онъ же внесъ на покупку библіотеки 10,000 рублей. Изъ другихъ жертвователей Трапезниковъ внесъ 10,000 руб., Пермикинъ 1,000 руб., Богдановичъ ассигновалъ сумму на стипендію; наконецъ, нѣсколько лицъ заявили желаніе пожертвовать библіотеки, вмѣстѣ съ тѣмъ начали стекаться приношенія для музеевъ. Вопросъ такимъ образомъ снова приобрѣлъ прежнія симпатіи и сочувствіе сибирскаго общества. Нельзя было упрекнуть въ этомъ случаѣ сибирское общество въ равнодушіи. Вѣсть объ утвержденіи университета въ Томскѣ принята сибирскимъ обществомъ съ живою радостью и восторгомъ. «Да будетъ эта радостная вѣсть для Сибири дѣйствительной радостью», писала одна мѣстная газета. При всякомъ благопріятномъ извѣстіи объ университетѣ телеграфныя депеши въ Томскѣ печатались золотымъ прифтомъ, выставлялись въ лавкахъ и расходились по рукамъ. Частныя пожертвованія производились безъ всякаго вынужденія, добровольно и съ сознаніемъ важности дѣла.

Въ настоящую минуту вопросъ о сибирскомъ университетѣ остановился за разсмотрѣніемъ проектированнаго плана зданія (разсмотрѣніе это, къ сожалѣнію, продолжается весьма долго — болѣе года). Наконецъ, какъ заявляется въ печати, встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія въ отпускѣ суммъ.

Финансовая сторона университетскаго вопроса между тѣмъ находится, какъ извѣстно изъ опубликованныхъ данныхъ, въ слѣдующемъ положеніи:

¹⁾ 1-го мая 1878 года вопросъ о сибирскомъ университетѣ окончательно рѣшенъ въ государственномъ совѣтѣ въ пользу Томска и состоялось затѣмъ высочайшее повелѣніе.

Демидовскій капиталъ составляетъ нынѣ . . .	150,000 руб. съ проц. ¹⁾ .
Пожертвованіе коммерціи совѣтника Цибульскаго . . .	100,000 "
Пожертвованіе А. М. Сибирякова	100,000 "
Имѣ же пожертвовано на библіотеку	10,000 "
Томскимъ обществомъ на устройство клиникъ по- жертвовано	25,000 "
Томскими жителями на покупку книгъ для уни- верситета	5,000 "
Трапезниковымъ пожертвовано	10,000 "
Пермикинымъ	1,000 "
Красноярскимъ почетн. граждан. Кузнецовымъ . .	500 "

Пожертвованія эти, не считая стипендій, какъ Богдановича и томскаго общества, а также жертвуемыхъ библіотекъ, простираются однѣми деньгами болѣе 400,000 руб. Такимъ образомъ, правительству придется добавить только по смѣтѣ 100,000 руб.; а если вычесть деньги, жертвуемыя на библіотеку 15,000 руб. и условное пожертвованіе Сибирякова, то суммъ, готовыхъ уже на постройку, находится около 300,000 руб., остается добавить 200 тыс. руб. ²⁾).

Какъ бы въ отвѣтъ, однако, на выраженные опасенія и высказываемыя затрудненія, неистощимый жертвователь на университетъ З. М. Цибульскій внесъ въ нынѣшнемъ 1879 году вновь 40,000 руб., для осуществленія скорѣйшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капиталъ, достигающій до 350 тыс. рублей. Правда, нѣкоторые находятъ, что предполагаемая сумма по смѣтѣ 500,000 руб. на постройку слишкомъ ограничена даже для Сибири, принимая во вниманіе постройку клиникъ, кабинетовъ, музеевъ и т. д., но на это отвѣчаютъ: «Пусть будутъ заложены первые камни на университетъ, въ крайнемъ случаѣ у Сибири найдутся средства окончить дѣло, — этому ручательство уже существующія пожертвованія. Пусть университетъ нашъ не будетъ отличаться пышностью, — говорятъ мѣстные патріоты, — пусть это учрежденіе

¹⁾ Демидовскій капиталъ, какъ извѣстно, въ 1803 году состоялъ изъ 50,000 рублей ассигнаціями, съ процентами онъ долженъ былъ составить гораздо болѣе 150,000 руб. сер., но, по какой-то случайности, онъ, какъ говорятъ, нѣсколько лѣтъ находился безъ всякаго приращенія.

²⁾ Мы слышали, что, кромѣ крупныхъ пожертвованій, въ Сибири образуются и мелкіе подписки въ пользу нуждъ сибирскаго университета. Нечего говорить, что изъ подобныхъ частныхъ подписокъ могла бы составиться сумма весьма пригодная при первомъ обзаведеніи. Многіе убѣждены, и совершенно справедливо, что пожертвованія дѣлались бы охотѣе и получили бы большее распространеніе, если бы сибиряки увидѣли университетъ уже заложенымъ и дѣло начатымъ. Нельзя не пожелать поэтому скорѣйшей закладки университета въ Томскѣ!

будетъ на первое время скромнымъ и не богатымъ, какъ домъ пионера-колониста. Высшее учебное заведеніе должно блистать не вѣщиностью,—пусть оно блистаетъ яркимъ лучомъ знанія и истины».

Дѣйствительно, слишкомъ много пропущено времени, чтобы не желать самаго скорого осуществленія этого учрежденія. Открытъ его предполагено было по внесенному проекту въ 1880 году. Откроется-ли онъ въ этотъ годъ, Богъ знаетъ! Какъ видимъ, университетскій вопросъ въ Сибири пережилъ много перипетій, черезъ-чуръ долго ждалъ своей очереди и какъ бы ни было неразвито и незрѣло сибирское населеніе, едвали на немъ одномъ лежитъ за это отвѣтственность. Причина,—почему университетскій вопросъ въ Сибири, выступая не разъ, не могъ получить надлежащаго направленія и разрѣшенія, заключалась не въ томъ, что вопросъ этотъ являлся преждевременнымъ и недостаточно выясненнымъ, но въ томъ, что на него не было обращено достаточно вниманія, и что стремленіе сибиряковъ и ожиданіе ими реформъ не всегда совпадало съ ходомъ и настроеніемъ общественной жизни въ Европейской Россіи. Это объясняется отдаленностью сибирскихъ провинцій, гдѣ жизнь нѣсколько отстаетъ, а требованія ея опаздываютъ. Точно также уложеніе и реформы Сперанскаго для Сибири явились въ концѣ царствованія Александра I, когда взгляды администраціи сильно измѣнились противъ первой эпохи, и самыя сибирскія реформы Сперанскаго не могли уже быть встрѣчены сочувственно. Помимо того, насущные вопросы сибирской жизни отодвигаются постоянно другими вопросами внутренней и политической жизни Россіи. Такъ, напримѣръ, послѣ поднятаго вопроса о сибирскомъ просвѣщеніи, явился другой вопросъ о сѣверныхъ торговыхъ путяхъ въ Сибирь, совершенно заслонившій первый, несравненно болѣе важный вопросъ. Затѣмъ вниманіе русскаго общества было отвлечено славянскимъ вопросомъ; затѣмъ войной съ Турціей. Событія эти сами собой отодвинули внутренніе вопросы и реформы на второй планъ. Послѣ войны явился вопросъ финансовый, борьба съ внутреннимъ врагомъ и такъ далѣе. Положеніе окраинъ между тѣмъ нѣсколько не улучшилось, и нужды просвѣщенія даютъ себя по прежнему чувствовать.

Вотъ чтó говорить по этому поводу одинъ изъ официальныхъ отчетовъ Сибири за 1878 годъ: «Народное образованіе въ Западной Сибири далеко не находится на надлежащемъ уровнѣ. Стремленіе къ образованію проявляется во всѣхъ слояхъ общества, но желающіе учиться поставлены въ весьма неблагопріят-

ныя условія, по недостаточному числу учебныхъ заведеній. Большинство населенія, особенно женщины, до сихъ поръ еще остаются безграмотными. Въ развитіи общественной жизни явно сказывается недостаточность мѣстныхъ средствъ высшаго образованія. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу въ Сибирь образованныхъ лицъ, предоставляя имъ разныя льготы; но эти усилія не достигаютъ цѣли. Если въ Сибирь и попадаютъ вполне достойныя лица, то они скоро до такой степени начинаютъ тяготиться суровыми, непривычными для нихъ условіями ея быта и отдаленностью отъ центра имперіи, что при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ Сибирь. Даже уроженцы ея, болѣе способные изъ учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, уѣзжая для своего образованія въ Европейскую Россію, свыкаются тамъ съ лучшею обстановкою жизни и рѣдко возвращаются на родину. Вслѣдствіе этого населеніе остается безъ врачей; сельскія и городскія училища нуждаются въ учителяхъ, судебныя мѣста — въ лицахъ, имѣющихъ юридическое образованіе, а административныя — вообще въ образованныхъ и знающихъ чиновникахъ».

Но въ такомъ случаѣ учрежденіе въ предѣлахъ Сибири высшаго образовательнаго заведенія есть дѣло первостепенной важности и дѣло самое неотложное.

Для усиленія средняго образованія, въ послѣднее время были открыты: классическая гимназія въ Омскѣ, реальное училище въ Томскѣ и женскія прогимназіи въ Омскѣ и Барнаулѣ. Въ 1879 году открывается реальная гимназія въ Тюмени.

«Общее число среднихъ учебныхъ заведеній въ Западной Сибири достигало къ началу прошлаго 1878 года 22-хъ съ общимъ числомъ учащихся до 3,200 человекъ. Что это число учебныхъ заведеній недостаточно, доказывается ходатайствами мѣстныхъ городскихъ обществъ объ открытіи мужскихъ прогимназій въ Семипалатинскѣ, Петропавловскѣ и Кайнскѣ, и реального училища въ Барнаулѣ. Низшихъ учебныхъ заведеній къ началу 1878 года было въ западной Сибири до 635, а число учащихся до 20,000 слишкомъ, изъ нихъ до 15,000 мальчиковъ и до 4,500 дѣвочекъ» ¹⁾. Такимъ образомъ, несмотря на прибыль учащихся, Сибирь все еще остается безъ высшаго учебнаго заведенія. Сторонники сибирскаго университета, истощивъ

¹⁾ Число учебныхъ заведеній въ Западной Сибири въ 1873 году было 493 съ 17,007 учащими (14,046 мальч. и 2,981 дѣвоч.). Въ 1877 г. учебныхъ заведеній 635, учащихся 20,460 (15,772 мальч., 4,688 дѣвоч.). Но таковое же число учащихся должно быть принято въ Восточной Сибири.

всезаможные аргументы передъ сознательнымъ упорствомъ противниковъ просвѣщенія, указываютъ въ послѣднее время на весьма видный государственный фактъ. Событія, совершающіяся въ сосѣднихъ съ нами владѣніяхъ въ Азіи, въ Японіи и въ Китаѣ, заставляютъ въ настоящее время задуматься надъ средствами нашей культуры въ Азіи. Многомилліонныя государства, какъ Японія, такъ и Китай, вышли изъ періода застоя, продолжавшагося много вѣковъ и, при помощи европейскихъ учителей, стараются приблизиться къ уровню европейскихъ государствъ, въ нихъ проводятся желѣзныя дороги, создаются университеты. Въ какомъ же положеніи очутятся наши окраины къ этимъ странамъ? Не придется-ли намъ стать тогда въ оборонительное положеніе, а отсутствіе умственного и нравственного преимущества не отразится-ли невыгодно на нашемъ положеніи и потерѣ всякаго вліянія въ Азіи?

— скій.
